

ВЫГОВСКИЙ

Илья

Римшот
для
тунца

16+

Илья Сергеевич Выговский

Римшот для тунца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57386043

SelfPub; 2020

Аннотация

Непросто найти свое место в жизни, когда тебе 15 лет и когда ты всем своим существом ощущаешь свою непохожесть на сверстников. Такой мой герой, Ваня Корпич. На страницах повести мы станем свидетелями его неоднозначных поступков, ошибок и побед.

Всем творцам посвящаю.

Ласточки могут летать до посинения, и никакого дождя. Но стоит мне выйти на улицу в непотребном виде – обязательно произойдет судьбоносная встреча. Как-то нарядился совсем печально и напоролся на Леру, да еще в компании подруг. И на собственной шкуре ощутил то, что много лет тому назад испытал беглый татарин у Толстого, окучиваемый шпицрутенами, только вербально: «Нищеврод, придурок, урод, повелитель унитазов и властелин говна...» Казалось бы, возьми за правило одеваться достойно, так нет же, всегда спешу и надеюсь на авось. «Да, красотую мир вы не спасете», – подумал я и на этот раз, выбегая из дома в сопровождении верного пса. Не прошел и ста метров, как вот оно, исполнение приметы, – Людмила Какоевна, организатор наших краевых конкурсов, слетов и прочих мероприятий.

– Иван! Недавно тебя вспоминала! Какая встреча! – похоже, она искренне мне обрадовалась.

Я тоже ее поприветствовал.

– Какими ветрами тебя сюда занесло?

– Живу я тут, – махнул головой в сторону дома. – Собаку вывожу.

Людмила Какоевна – удивительная женщина, всегда восторженная, эмоциональная, даже слишком. Порой кажется, что ее манерность, восторженность, доходящая до экзальтации – напускная, часть имиджа, но зная ее не первый год, все

же склоняюсь к тому, что это и есть ее натура. Сколько ей лет? Вот бы узнать. Пятьдесят? Шестьдесят? Больше? Очень трудно определить возраст, когда женщина так некрасива, настолько внешне нехороша. Невообразимо длинное лицо со стреляющим вперед подбородком, втянутый вовнутрь черепной коробки усеянный по кругу мелкими морщинками тонкий рот, уходящий в бесконечность лоб, из-за чего кажется, что женщина попросту лишена волос, то есть лысая. «Когда аист принес ее родителям, они хотели сначала взять аиста», – подумал я, впервые увидев ее лет восемь назад. Но затем непривлекательную внешность вытеснили прекрасные внутренние качества: доброта, открытость, умение дружить. Лично я в женщинах больше всего ценю это.

– Как дела на литературной ниве? – спросила она, стрельнув в меня подбородком. Это был не праздный вопрос, поэтому формальным ответом я б не откупился.

– Никак, – честно признался я.

– То есть? – она пригвоздила меня подбородком так, что уйти от вопроса было невозможно.

– О чем писать? О том, как Серая Шейка опустила свой грустный зад в ледяную воду?

Вообще я считаю, что врать унизительно, и если есть возможность не врать, то это очень удобно. Что ж до литературных дел, то были они действительно печальны. Сначала получил изрядную долю критики от видного литературоведа в адрес своей повести «Я – свет в конце тоннеля». О, как он

глумился надо мной! Как упивался своим превосходством! До сих пор помню его нападки: «Сюжет вашей повести, Иван Сидорович, перескакивает с ветки на ветку, как укушенный опоссум», «В вашем произведении, Иван Сидорович, слишком много неуместного пафоса», «Фабула вашего детища, Иван Сидорович, – это напяливание совы на глобус», «Герои вашей книги, Иван Сидорович, – конгломерация латентных извращенцев!» Имея обыкновение обращаться к своим собеседникам по имени-отчеству, он подпирал их родовой силой отцов, не обращая внимание на возраст. Вот и я в свои пятнадцать был для него исключительно Иваном Сидоровичем. Уверен, подспудно его будоражил вопрос, каким образом мой отец, Сидор, оказался Корпичем. Или наоборот. Никогда не забуду, как этот видный в своем деле специалист набрасывал на лопату пафоса, обличая мою литературную несостоятельность: «Вы, Иван Сидорович, так начудесатели, так накоекакали (от слова кое-как, вероятно), что ни один читатель не разберет». Вынеся свой вердикт, что в литературе я – мальчик для бритья и трагический непоседа, он посоветовал мне направить свой интерес на такие предметы, как биология или география, возможно, в них я преуспею лучше. Я пытался держать удар, но вскоре последовало событие еще более прискорбное. Я послал в молодежный журнал свою поэму «Червивое молчание». Журналу поэма не понравилась, что само по себе событие не столь трагичное. Но! Мне позвонила заведующая литотделом этого журнала

и почему-то решила вступить со мной в полемику. Это была странная дискуссия, потому что такая важная дама не гнушалась неприличными выражениями, вгоняя меня в краску соленым словцом. Наверное, в ранней молодости она промышляла тем, что выцарапывала гвоздиком матерные слова на заборах Владивостока. Самое приличное из ее тирады было: «И к чему, господин Корпич, весь этот замудренный высер?» Испытав на себе этот акт агрессии, я надолго погрузился в поэтическое безмолвие и неизвестно, выйду ли когда-нибудь из него. Была и третья причина моих литературных бед. Моя пьеса, мое любимое детище, которому я посвятил год своей жизни, отняла у меня все силы, весь талант, все жизнелюбие, всю жизненную энергию. Признаюсь, я даже не знал, что бывает такое творческое опустошение. Вот таким, битым жизнью, я и предстал перед своей давней знакомой. И эта встреча растеребила мне сердце.

Я кратко посетовал на свои неудачи.

– Раз мастодонты взволновались, значит, ты действительно чего-то стоишь, – резюмировала Людмила Какоевна.

– А чего им волноваться? Литература никогда не станет моей профессией. Я ни за что не буду торговать своим творчеством.

– Ну почему, почему? В этом нет ничего гнусного, – задудела ассонансом моя собеседница.

– Я слово дал. Ангелу, – еле слышно прошелестел я.

– Ваня, ты должен писать. Это твое призвание, миссия,

если хочешь! – без обиняков парировала она.

– Знаете, стоит ли лепить пули из дерьма, – глубокомысленно изрек я, уверенный, что моя собеседница сумеет прочитать мою трагедию между строк.

– Еще как стоит! – подхватила она. – Не каждому отпущен дар ощутить чужое страдание более остро, чем свое, не каждому! Ты должен писать. Пиши и посылай заметки в газеты, откликайся на события. У тебя это хорошо получается.

«Нынче так: пукнул – и продал новость», – горько подумал я, вспомнив недавние газетные заголовки: «У Лободы оказалось шесть пальцев на ноге», «В Лесозаводске закрыли магазин из-за нашествия крыс», «Избил до полусмерти и испражнился», «В Находке мертвый гость несколько дней просидел за праздничным столом». Желания писать в газету у меня не возникло.

Людмила Какоевна продолжала увещевать:

– Ну, не хочешь печататься, пиши в стол, пиши стихи на дни рождения близких... да дневник, наконец, веди. Главное, не молчи!

– Да нет же, они правы, что-то произошло, вернее, что-то ушло, покинуло меня. Так что, как говорится, по мощам и елей.

– А я говорю, пиши! Даже если кому-то не нравится. Даже если чувствуешь эмоциональное выгорание. Даже если тебя сам вид белого чистого листа пугает до смерти.

Она хитро посмотрела на меня и добавила:

– Главное прокукарекать, а там хоть не рассветай.

– «Не хочу я гнить, как ива, на болотной кочке где-то, я хочу сгореть от молний, словно дуб в разгаре лета», – продекламировал я.

– Ты гений! – воскликнула Людмила Какоевна.

– Это Шандор Петефи гений. Я только повторил.

– Это не важно. Он написал твоими словами.

«Так же, как и Пушкин с Толстым. Тоже писали моими словами», – улыбнулся про себя я.

Я не хотел, чтобы Людмила Какоевна меня жалела. Боясь, что наша случайная встреча перейдет в живую картину «Белинский у постели умирающего Некрасова», я попытался поменять тему:

– Все говорят, что я разбрасываюсь. Разве это плохо? Я вот математику полюбил, физика увлекла. Даже не ожидал от себя. Коллажи делаю неплохие, рисую. Несколько коротких видеофильмов снял.

– А я говорю – бред! Это совсем не твоя стезя. Ты впустую тратишь время! Твое призвание – это литература. И это преступление...

Но я перебил:

– Знаете, есть люди, которым очень рады после их ухода. Из общения с авторитетными спецами я хорошо уяснил: я именно из этих, которые способны осчастливить общественность своим небытием на литературном Олимпе.

– Сдаешься? Струсил?

– Нет, просто... просто...

– Что?

– Нет сил! Надоело! Надоело жопой волны рассекать!

Я понял, что позволил бестактность в общении с дамой и быстро извинился. Но она, казалось, не придавала значение и наддала:

– А надо встать и рассекать!

Мы оба рассмеялись.

– Сейчас расскажу тебе случай из истории, возможно, он тебя не только рассмешит, но и поднимет твой боевой дух!

– Интересно...

– Как-то Константин Бальмонт – помнишь такого? – был приглашен в Ясную Поляну самим Львом Толстым. Поэзия Бальмонта классика не впечатлила. Но Константин Дмитриевич на это отреагировал так: «Старик ловко притворился, что ему стихи мои не нравятся».

– Буду вспоминать этот случай «во дни сомнений, во дни тягостных раздумий», – пообещал я.

– И запомни, в жизни каждого человека есть прекрасные люди, которые всегда рады загнать нас в могилу. Так не будем же доставлять им такого удовольствия.

– Положим, не будем. Но не могут же несколько человек подряд ошибаться, клеймя мою литературную несостоятельность. Такого же не бывает!

– Бывает. Уж поверь моему огромному жизненному опыту. Всякое бывает. В такой ситуации главное не надо подхва-

тывать чужие помои и с упоением лить на себя.

– А как же требовательность к себе? Самоирония? – ре-
зюмировал я.

– Я не об этом. Скажи про себя, что у тебя кривые но-
ги, и вот увидишь, вскорости все будут говорить: «Ну, как
там тот кривоногий поживает?» Я про ложное самобичева-
ние, если ты меня понимаешь. Да, прими как истину: лю-
ди не прощают тех, кто выше, чище и талантливее, чем они.
Нужно делать так, как учил великий Окуджава: «Не прида-
вать себе особого значения, но знать себе цену». И вообще,
творческая зависть – определение довольно хорошо изучен-
ное в литературе и искусстве. Не знал?

Я промолчал. Я был уверен, что что-то идет в моей жизни
не так. Я знал, что дурно выгляжу. Каждый раз, смотря в
зеркало, я видел некрасивого человека, днем работающего
грузчиком, а по ночам поддерживающего небо.

– Может у тебя проблема с темой? Не знаешь, о чем пи-
сать?

– И с этим тоже, – признался я.

– А как тебе такая: молодежь маленького городка разде-
лилась на два лагеря. В одном – дети богатых родителей, в
другом – бедные. Они объявили друг другу войну. На чьей
стороне будет победа – решать тебе.

– Спасибо, но... не то, – мне было жалко Людмилу Како-
вну, но сюжет мне показался нежизнеспособным.

Вдруг она сказала:

– Есть идея! Тебе нужно пообщаться с единомышленниками. Это на тебя подействует, как вливание свежей крови.

Я недоверчиво посмотрел на нее.

– В молодости я много проводила времени в неформальном общении с молодыми творческими людьми.

Она слегка зарделась.

– Тогда это никто не называл «тусовка» или «туса». Существовало более теплое слово – «компания». Представь, конец шестидесятых. Я жила в Ленинграде в общежитии. Город необыкновенный, со своей культурой, город, повернутый к Европе. С Запада тянуло свободой. «Битлз», хиппи, дети-цветы...

Я внимательно слушал, с трудом представляя мою хиппующую собеседницу среди детей-цветов.

– Мы много спорили, читали стихи. Окуджава, Ахмадулина, Вознесенский. Это было самое счастливое время в моей жизни.

Яркие воспоминания смягчили угловатые черты лица моей собеседницы. Даже подбородок слегка округлился.

– Я постараюсь тебе помочь. Позвоню своему бывшему студенту, он общается с неформалами. Мы с ним недавно встретились и обменялись телефонами. Он столько интересного порассказал! Оказывается, во Владивостоке кипит творческая жизнь. Художники, актеры, поэты, писатели, музыканты. С разными темпераментами, стремлениями, идеями. Они раскрывают свой внутренний мир, спорят, совету-

ются. Моего знакомого зовут Семен. Я обязательно с ним свяжусь.

– Спасибо.

Я в очередной раз восхитился ее равнодушием.

Солнце почти село. Отблески багрового заката, таинственная дымка майских сумерек, всполохи первых фонарей, тонкий аромат распустившейся черемухи, – все это казалось незначительным. Главное, что в этот момент я ощущал рядом с собой союзника, учителя и верного друга. И неважно, что ему было далеко за пятьдесят, а может, за шестьдесят или семьдесят. Просто я почувствовал себя живым. Мы обменялись телефонами, и я сказал:

– Ну, мне пора. Меня уже потеряли, да и собака нагулялась. – Я посмотрел на свою собеседницу с благодарностью. – Хорошо, что я вас встретил.

Еще я хотел сказать, что она прекрасная женщина и благороднейший человек, что отнюдь не мне, а именно ей присущ дар ощущать чужое страдание более остро, чем свое, что ее послали мне в этот вечер ангелы, но... не смог. И пожать ее немолодую руку – тоже не смог. И поцеловать ее морщинистую щеку... Мы тепло попрощались, и я пошел домой. По дороге мне вспомнились слова Ницше: «Уставший бояться способен сразиться с врагами». И хотя настоящими врагами я не обзавелся, готовность сразиться с ними у меня появилась.

Придя домой, я выбрал чистую тетрадь побрутальнее.

На черном картоне обложки были вытеснены золотом слова «World of Warcraft». На первой странице я поставил число, 21 мая 2020 года, и сделал первую запись: «Несчастливая Серая Шейка опустила свой печальный зад в ледяную воду грустного пруда». Результаты литературного труда меня вполне удовлетворили. Слово, данное Людмиле Какоевне писать всегда, писать везде, я сдержал.

Если мою жизнь представить как солнце, то вокруг моего светила имеется множество лучей. Это друзья, приятели, знакомые, любимые, любящие, на дух меня не переносящие, школьная жизнь с ее любимыми и не очень предметами, семейные узы, тайные мечты и мимолетные увлечения. Но есть в этой звезде и пробел, где не хватает одного луча. Мне катастрофически не хватает единомышленников в моем увлечении литературой. Не то чтобы я был такой умный, ума во мне немного. Просто, как бы это помягче выразиться, это направление не очень популярно в моей среде. Вернее, очень непопулярно. Ну кто сейчас любит читать? Не вижу лес рук. А писать? То-то и оно. Нет, участвуя в различных конкурсах, я вижу десятки, сотни моих ровесников, которые пытаются самовыражаться в поэзии и прозе, но все они разбросаны по стране, и мои попытки сблизиться хотя бы виртуально потерпели неудачу. А те, с кем удалось установить контакты, оказались откровенными эгоцентриками, мнящими себя если не пушкиными, то уж бродскими точно. Так я и жил с мыслью: «Я жалкий осколок прошлого, который хочет

присоединиться, но не может». Правда, однажды я было нашел себе такого человека, – известная журналистка, Ирэна Пиоттух, которую жители Владивостока запомнили по серии ярких одиозных передач, снизошла до знакомства со мной. Но не прошло и полгода, как ее пригласили в Москву, и я снова остался один.

Что это было за знакомство? Впервые я увидел ее в телепрограмме «Один на один». Немолодая, очень полная, с огромными навывкате глазами, острая на язык, она запомнилась мне с первого раза. Ее шутки, ее каламбуры и ядовитые комментарии приводили меня в полный восторг. Я был потрясен чудовищной степенью ее внутренней свободы. На реплику приглашенного в студию гостя: «Разрешите, я присяду, в ногах правды нет», она тут же парировала: «Можно подумать, в заднице вся правда скопилась». Или вот, в адрес проворовавшегося депутата Законодательного Собрания: «Ну, что я могу вам сказать? Прекрасно!!! Прекрасно сидят на вас вещи, купленные на налоги жителей Владивостока!» Или хитроумному представителю ЖКХ: «Мы думали, что мы на дне, но снизу постучали». А вот эта реплика привела меня просто в экстаз (обращаясь к чиновнику, сорвавшему отопительный сезон во Владивостоке): «Вы бы хоть срежиссировали раскаяние, сочувствие или хотя бы растерянность перед нашими телезрителями, организовали бы лицевые мышцы, что ли». После таких ярких, смелых высказываний я был полностью в ее власти, вернее, во власти ее

таланта, конечно. И хотя никто из домашних моего восторга не разделял – «Эта твоя передача – полное гуано», – сказал отец. «И это все? Весь пар, как говорится, вышел в свисток», – поддержала его мать. «Кому нужны эти вечно торчащие из карманов политические фиги?» – поморщился Костя, «Если змею разрубить на кусочки, голубкой она не станет» – философски резюмировал Гоголев, – я своего мнения не изменил. Огрызнувшись словами Мандельштама о том, что русская литература родилась под звездой скандала, я поспешил признаться в своей любви Ирэне Пиоттух, найдя ее в социальных сетях. Она великодушно приняла мое признание, и вскоре мы стали, если не друзьями, то товарищами, точно. Едкая и острая на экране, она была совсем не такой в жизни. Сколько раз бы она не цитировала слова Коко Шанель: «Мне наплевать, что вы обо мне думаете, я о вас не думаю вообще», я видел совсем другое – битую жизнью немолодую женщину, талантливую и ранимую, повидавшую много горя. Шумная и эпатажная, ведущая свои программы по принципу «делать неприличное – приличным», в повседневном общении она обладала большим запасом внутренней деликатности, была прекрасным собеседником и другом. В наши редкие встречи я почему-то не мог избавиться от ахмадулинских строк, которые независимо от меня звучали в голове, произносимые кем-то:

«Ты думаешь, что я из гордости
хожу, с тобою не дружу?»

Я не из гордости – из горести
так прямо голову держу».

Конечно, мы нечасто встречались, и наша переписка в соцсетях была отрывочной и нерегулярной. Но, как ни странно, мы чувствовали друг друга, между нами была мощная Вольтова дуга.

Однажды Ирэна позвала меня к себе на работу, во время ремонта надо было вынести мебель и кое-какие вещи из кабинета. Я отложил свои дела и приехал. С порога удивился, так как мебель уже кто-то убрал, оставив два сломанных стула и тумбу для ксерокса, а вещей было совсем немного, и было очевидно, что моя помощь не требовалась. Но все же она пригласила меня, значит, ей хотелось со мной пообщаться. В комнате было обычно, как в любом офисном помещении во время ремонта. Очень чуткий к запахам, я сразу уловил слабый запах не то ацетона, не то прокисших соленых огурцов. Этот неприятный запах вызвал у меня волну тревоги, не знаю почему.

– Что изволите пить? Чай, кофе или покрепче? – спросила Ирэна, постучав для наглядности красивым наглым ногтем по жестяной баночке с коктейлем.

– Чай. Спиртное нельзя, – заволновался я.

– Этот запрет из серии тех законов, жесткость которых компенсируется необязательностью исполнения, – поучительно изрекла она, но коктейль убрала.

Она поставила передо мной кружку с уныло висящей ве-

ревочкой от чайного пакетика, и старый поттер изрыгнул в нее порцию кипятка. Памятуя, что к женщинам с пустыми руками не ходят, я протянул Ирэне коробку купленного по случаю «Птичьего молока».

– Успел надоить? – улыбнулась она.

Я утвердительно кивнул.

Затем, не выдержав паузу вежливости, я поспешил задать не дающий мне покоя вопрос:

– Вы так смело выступаете в своих программах, клеймите позором чиновников и прочих сильных мира сего. Не боитесь? Съедят же!

– Зъисть-то он зъисть, да кто ж ему дать! – засмеялась Ирэна. – Я уже ничего не боюсь. А некоторым королям не помешает лопатой поправить корону. Ты так не считаешь?

Я пожал плечами. Тогда Ирэна сменила тему разговора и предложила:

– Почитай мне свои стихи. Любые. Какие хочешь, первые, что на ум придут.

Обычно, когда кто-то просит меня прочитать свои стихи, я чувствую себя, как будто стою перед Дедушкой Морозом на новогоднем утреннике и зарабатываю подарок. Но она сказала это так просто, что я прочел одно из своих самых любимых.

– Рифма, как у раннего Маяковского. Неплохо.

– А вы знаете, – оживился я, – На похоронах Маяковского был единственный венок, сделанный из металлолома – бол-

тов, гаек, молотов, маховиков и винтов. На венке была надпись: «Железному поэту – железный венок». Когда процессия шла по мостовой, венок громыхал и издавал скрежещущие звуки.

– Ужас, – помрачнела Ирэна. – Маяковский – человек с нежнейшей, хрустальной душой. Это кощунство. Но было такое время, когда это казалось новаторством, идею Татлина все одобрили.

– К таким же людям я отношу и Ходасевича, – вставил я. – Я не считаю его ни ядовитым, ни желчным.

– Владислав Фелицианович? Ну конечно! Вот, послушай: «Странник прошел, опираясь на посох, -

Мне почему-то припомнилась ты.

Едет пролетка на красных колесах -

Мне почему-то припомнилась ты.

Вечером лампу зажгут в коридоре -

Мне непременно припомнишься ты.

Что б ни случилось, на суше, на море

Или на небе, – мне вспомнишься ты...»

Мне понравилось, как Ирэна прочитала стихотворение Ходасевича. Обычно, я испытывал необъяснимое чувство стыда, если в моем присутствии кто-то читал стихи. Особенно, когда люди это делали «с выражением». Но она прочла легко, буднично и без затей, и я моментально попал под обаяние ее хриповатого голоса.

– Галич сказал, что это стихотворение посвящено не женщине, это не любовные стихи – это стихи о родине, о России. А я так не думаю. Он написал их своей жене, Нине Берберовой, правда же?

– Нет, не правда. Он написал их мне, – серьезно сказала Ирэна, и я не посмел возразить.

– А есть у тебя стихи, которые ты бы отнес к неудачным? – она испытывающе посмотрела на меня.

– Конечно. И немало.

– Слабо прочитать?

Мне было не слабо, и я прочитал свой самый неудачный опус, который и уничтожить было жаль, и хранить зазорно.

– О! Нечто похожее я слышала в каком-то фильме:
«Теперь назначен к нам Тетерин.

И каждый здесь, конечно, рад!

Давайте дружно мы теперь

Тетерю поцелуем в зад!»

Тебе не кажется, что рифмы весьма схожи?

– Не знаю, – рассмеялся я.

– Ты же пишешь еще и прозу? Расскажи про свое самое неудачное произведение, – попросила Ирэна.

И я, не ломаясь, стал кратко пересказывать свой первый «Роман о джурджнях». Написал я его лет в одиннадцать. Большую часть моего семнадцатистраничного «романа» занимали драки и любовные сцены.

– Да. Стивен Кинг нервно курит... – улыбнулась она. – Твой роман о джурджнях – нормальная страшилка в стиле рассказов про черную руку, желтое покрывало или коричневый туалет. В пионерском лагере на ура бы пошел.

О чем мы говорили в тот памятный вечер? О невозвратимости прошлого, ненасытности настоящего, непредсказуемости будущего, если сказать кратко. Время от времени Ирэна отлучалась на несколько минут, унося за собой шлейф ацетона-огуречного амбре, а затем возвращалась в каком-то вызывающе-приподнятом настроении. Ее глаз горел, и я догадывался, что в эти моменты она нарушала закон, жесткость которого компенсируется необязательностью исполнения, то есть опорожняла очередную баночку с коктейлем. Я был благодарен ей за ту деликатность, с которой она это делала. Наверное, она щадила мой юный возраст и хрупкую внутреннюю организацию, поэтому тактично выходила из кабинета.

Естественно, мне было интересно, как она стала журналистом, кем она была в школе – лидером, аутсайдером или оп-

позиционером. Я задавал массу глупых вопросов и на каждый из них получал обстоятельный ответ. Если кратко, то родилась она в Приморской глубинке, в деревне. Мне показалось необычным, что в такой простой семье девочку называли Ирэна. Да и фамилия Пиоттух как-то не слишком органично вписывалась в деревенский уклад. Ну да ладно. В ее детстве было все: младшие братья и сестры, о которых приходилось заботиться, пьющий и бьющий без причины отец, мать-почтальон, нудная и тяжелая работа на огороде. Но при всем этом она так чудно описала природу своей малой родины, что я вживую ощутил и тонкий запах загадочного лотоса, и всевидящее око озера Ханка, и аромат полевых трав, то есть все то, в чем она черпала свое вдохновение. Затем она поступила – нет, как ни странно, не в университет на факультет журналистики, – а в Уссурийский педагогический институт, где получила профессию учителя русского языка и литературы. Педагогическая деятельность не привлекала, а вот в журналистику тянуло, как магнитом.

– Что было потом? Одна многотиражка сменяла другую. Сколько было в моей жизни этих «Приморских Зорь», «Тихоокеанских Рассветов», «Уссурийских Восходов» – не сосчитать! «Хорольский Рисовод», «Спасский Цементник», «Партизанский Шахтер»... И во всех приходилось писать по сути про одно и то же – о том, как все в едином порыве бьются за урожай риса, героически крошат клинкер в цемент, отважно опорожняют угольные шахты. Но как только я пыта-

лась откинуть пафос и написать о насущном – о повальном пьянстве в сельской местности, о конопле, которую селяне употребляют не по назначению чуть ли не с дошкольного возраста, о вредном производстве на цементном заводе, где у каждого – не второго, а первого! – силикоз, о нарушениях в технике безопасности и страшных травмах в угольных шахтах, как тут же возникал начальник и какающим ртом орал: «Не сметь! Провокаторша! Подрываешь наш строй? Сомневаешься в нашем героизме? Ты кто такая? Сидишь тут на птичьих правах, без специального образования, да еще хвост подымаешь? На коленях должна ползать, да тело лобызать мое белое, за то что в редакцию принял, тварь неблагодарная!» И опять приходилось петь оды героическим будням счастливого народа, о том, как у нас все хорошо, и пусть все остальные в очередной раз позавидуют нам.

Я с сочувствием слушал. А она продолжала:

– И когда это скотство достигло невиданных зияющих высот, знакомый предложил работу в малотиражке, название которой, хоть убей, не помню – не то «Большой Гудок», не то «Малые Шпалы» – скромный орган печати для работников железной дороги. К тому моменту я уверовала, что любая творческая организация – это террариум единомышленников. Но в этом случае я ошибалась – коллектив там был доброжелательный. Если на прежних местах были все на одного, то здесь – все за одного. И начальник, в отличие от своих предшественников, ничего, кроме заметок, от меня не хотел.

При этих словах я вскользь посмотрел на курпулентную фигуру моей собеседницы, на ее коротко стриженную голову с прической «Внутренний заем», так хорошо мне знакомую – дед носил точно такую же, прежде чем смирился с лысиной и остриг маскировочную прядь. Я мельком взглянул на необъятные бедра с широкими лопастями «ушей» по бокам, на нисходящий каскад частей тела, плавно переходящих друг в друга так, что было невозможно определить, где заканчивается грудь и начинается живот. И все эти акты гендерной агрессии со стороны похотливых начальников показались мне в высшей степени необоснованными. Иными словами, я искренне удивился тем страждущим, что добивались белого тела Ирэны. Но, к счастью, она не заметила моего удивления.

– В отличие от других мест, здесь я была рукопожатная. Но однажды в нашу маленькую редакцию пришел человек. Это было, как будто...

Она защелкала пальцами, подбирая слова:

– Как будто птеродактиль приземлился на лужайку палеонтологов!

– Этот человек был ученым? – уточнил я.

– Нет. Это был скорее Че Гевара. Знаешь такого?

Я кивнул.

– Живой, открытый, светлоликий и честноокий, он во время нашего разговора раз двадцать изрек слово «справедливость», не менее пятнадцати «борьба» и с десяток «самопо-

жертвование». То есть он нажал на все кнопки, вмонтированные в меня. И я завелась, как дешевая китайская заводная игрушка. Через некоторое время он помог мне оформить командировку в горячую точку.

– Птеродактиль? Тьфу! Че Гевара?

– Да. Он.

– Вы пошли сражаться с террористами? – без обиняков спросил я.

– Да. Но только пером. Пером.

Надо признаться, что в политике я не разбираюсь совсем. То есть никак. Наверное, стыдно в моем возрасте быть таким нелюбопытным и бестолковым, но как-то эта тема меня не бодрит. Я, конечно, знаю в общих чертах и про терроризм, и про локальные конфликты. Но это происходит где-то очень далеко от меня. Мне искренне жаль погибших и пострадавших. Но я не понимаю суть конфликта, вернее, не стремлюсь это понять. Мне проще мыслить маленькими категориями, такими, какие происходят на глобусе Владивостока, например.

– Вы делали репортажи из горячих точек? – догадался я.

– Да. Но это продлилось совсем недолго. Очень скоро мы попали в плен.

Я ущипнул себя за колено. «Вот передо мной человек, который либо меня разыгрывает, либо...» – не успел подумать я.

– Не буду живописать тебе подробности. Изо всех сил ста-

раюсь об этом забыть. Если существует ад, то это было значительно страшнее. В аду ты хотя бы знаешь, за что тебе ниспосланы страдания, несешь искупление за свои грехи, а там... Расплата за глупость, самоуверенность, недальновидность? Ситуацию усугубляло и то, что я была там, как бы это выразиться, фрилансером. За мной не стояло какое-то новостное агентство или иная организация. До меня никому не было дела. Не попала я в поле зрения и такой правозащитной организации, как «Репортеры без границ». Я была никому не нужна. Меня били, надо мной зверски издевались, морили голодом. Дважды продавали. В первый же день выбили зубы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.